

После ухода Мяо Гуан Жо Янь ещё долгое время продолжал стоять, подобно утёсу, перед картой мира. Стоял непоколебимо, преисполненный спокойствием и желанием неотступно идти вперёд, в душе неистово и гордо клянясь: заполучить желаемую цель, несмотря ни на какие последствия.

Мужчина окидывал взглядом распростёртые перед ним горы, реку, медленно приводя в порядок мысли, которые клочкотали подобно стремительному потоку реки Оман. С каждым сделанным вздохом эмоции и рассудок успокаивались, позволяя пологому тьме, что накладывалась слой за слоем, постепенно задёрнуться.

После того как настроение улучшилось, он нажал на скрытый механизм, известный только людям правящего рода, и спокойно направился по коридору[1], ведущему в опочивальню, спрятанную в стенах дворца.

Эта предназначенная для секретов тайная комната, созданная прежними правителями Ли, ничем не отличалась от обычных комнат, какими бы маленькими или большими они ни были, единственная разница — в ней находилась лишь одна небольшая дверь, там отсутствовали какие-либо окна, и неважно, день на улице или же ночь, солнечный свет не мог проникнуть внутрь, сутки напролёт следовало зажигать свечи, потому данное место выглядело особенно уединённо и мрачно.

Когда Жо Янь вошёл, находящийся в стороне Сы Цян оцепенело сидел на коленях, выпрямив спину, но, внезапно почувствовав приближающуюся тень, парень спешно поднял взгляд и, разглядев визитёра, тотчас же с почтением пал ниц:

— Государь.

— Угу. — И Жо Янь добавил, спрашивая: — Особа уже уснула?

Сы Цян повернул голову, посмотрел на загадочную штору, свисающую до пола тайной комнаты, и, словно боясь разбудить скрытого за этой завесой человека, шёпотом ответил:

— Скорей всего, нет. Государь, хотите, Сы Цян пойдёт посмотрит?

Но мужчина поднял руку, жестом останавливая наложника, после чего сам шагнул вперёд.

Искусно сшитая штора, на которой красовались изумительные и несравненные, но при этом причудливо изменчивые узоры в виде облаков, что были вышиты из драгоценных шёлковых нитей — золотой и серебряной, сейчас свисала до низу, разделяя комнату пополам, полностью отрезая от посторонних глаз то, что скрывалось внутри. Колышущиеся на ней тени, отбрасываемые пламенем свечей, придавали странной уединённой комнатке ещё больше мистики и великолепия.

Сы Цян заботливо подал подушку для сидения, положив перед завесой. Жо Янь сел, поджав под себя ноги, и через тканевую преграду поинтересовался, как всегда придерживаясь превосходных манер:

— Милостивая госпожа[2], Вы спали?

За занавеской раздался лёгкий вздох и последовал встречный вопрос:

— Можно ли заснуть? — Красивый голос был полон мягкости.

Стоило этому голосу зазвучать, как нахлынул рой мыслей, погружая в задумчивость.

За шторой определённо находилась прекрасная красавица.

Жо Янь не обвинял её в бессоннице, наоборот, словно болтая о незначительных мелочах, проговорил:

— Ребёнок, которого этот государь специально выбрал для госпожи в качестве прислужника, угождает госпоже?

— Угождает.

— Госпожа счастлива, уже хорошо. — Мазнув взглядом по неподалёку припавшему к полу Сы Цяну, мужчина так же мягко продолжил диалог с женщиной, спрятанной от глаз: — Сы Цян тщательно прислуживает, заботливый и крайне чуткий, этот государь считает, что он способен удовлетворить приказы госпожи.

За шторой воцарилось короткое молчание.

— Государь Ли только поэтому позволил этому ребёнку заботиться обо мне?

Трудно постижимая[3] улыбка украсила лицо Его Величества:

— А должен быть ещё какой-нибудь повод?

— Он внешне похож на одного человека.

— Правда? И на кого же?

— Ха, — донёсся лёгкий смех, настолько красивый, что взволновал сердце, но потом тон снова

изменился, став прохладным и с затаённой обидой: — Вам он также знаком, так зачем лишние слова? Ах... Этот ребёнок и впрямь слегка напоминает его.

— С закрытыми глазами больше похож, — вторил Жо Янь.

— Верно.

Скользя взглядом по спине Сы Цяна, мужчина резко изменился в лице, обнажив безжалостность. Не имея никаких возражений, правитель Ли высказал:

— Этот ребёнок теперь является слугой госпожи. Госпожа, если захочет гонять раба[4], наказать, избить или бранить без какой-либо причины, может смело излить свой гнев, — со смехом сорвались слова. — Если посчитаете, что его лицо колет глаза, можете изуродовать. Если только госпожа счастлива, то хорошо.

По-прежнему лежащий на земле Сы Цян был совершенно неподвижен, лишь спина слегка дрожала.

Женщина за занавеской вновь тихо вздохнула и спросила:

— В глазах государя Ли я такая жестокая женщина, ненавидящая из зависти?

Ответные слова Жо Яня были неспешными:

— В глазах этого государя любой, у кого отняли любимого человека, так и хочет соперника разорвать на десять тысяч частей, а всякий, кто испытал измену, заставит предателя всю оставшуюся жизнь мучиться — такова человеческая природа, и это не считается жестокостью и ненавистью из зависти — всего лишь искреннее отражение сущности.

Находящаяся за тканевой преградой женщина вновь погрузилась в короткое молчание.

— В душе госпожа действительно не питает какой-либо ненависти? Госпожа испытывает по отношению к Жун Тяню огромную любовь, а как он относится к госпоже? По слухам, он даже, не взирая на имя и статус госпожи, безжалостно отверг её ничтожное требование родить ему наследника. Но даже так этот государь по-прежнему ошибочно полагал, что благодаря вашим чувствам, длившимся немалые годы, госпожа будет иметь какой-никакой, но вес в сердце Жун Тяня, поэтому в тот день после нападения на ваш тайный лагерь всё же потратил огромное количество сил, устраивая ему засаду и готовясь к возвращению войск Жун Тяня, которые пришли бы госпоже на помощь, — голос Жо Яня звучал спокойно, однако в нём таилась злая сила подстрекательства, стоило лишь упомянуть «потрясающие» былые времена. Мужчина с сочувствием продолжил: — А в итоге этот государь разузнал, что войско Жун Тяня расположилось неподалёку, но не торопится возвращаться в уничтоженный лагерь, только тогда этот государь понял — оказывается, жизнь госпожи в глазах Жун Тяня не значит ровным

счётом ничего.

Жо Янь пренебрежительно усмехнулся и равнодушно изрёк:

— Пройдя через всё это, если ещё осмелишься сказать, что в твоей душе нет и намёка на ненависть, то ты самая лицемерная женщина во всём мире. — Взволновали или нет сердце того человека, что находился за занавесом, брошенные сейчас слова — неизвестно.

Спустя достаточно длительное время за шторой раздался горестный, наполненный печалью смех:

— Слабая нежная женщина попала в руки правителю Ли, не видит света белого, тайно заключена здесь, даже если затаю обиду, какой в ней прок? Жун Тянь... Они все ошибочно полагают, что я сгорела в том пожаре, разве нет?

В глазах Жо Яня мелькнул блеск:

— У этого государя есть один способ, который позволит госпоже достичь желаемого.

— Э? — Обомлев на мгновение, женщина за шторой шёпотом поинтересовалась: — Какой способ?

— Выходи за меня замуж, стань правительницей Ли.

В тайной комнате воцарилась необычайная тишина. Даже прильнувший к земле Сы Цян внезапно затаил дыхание.

— Я не понимаю.

— Этому государю требуется новая правительница, чтобы родить потомков ради спокойствия министров.

— Разве жену правителя не стоит выбирать из числа принцесс всех стран?

Уголки губ дрогнули в необузданной улыбке, а сам Жо Янь откровенно поведал:

— Страна Ли уже поглотила Фаньцзя, одним махом став могущественным государством, как раз в решающий момент привлечение чужестранной принцессы в качестве моей жены, наоборот, лишь увеличит риск возникновения различных бед, которые, в свою очередь, могут помешать великому делу этого государя — объединению всего мира, поэтому ни одна из принцесс не достойна стать моей женой.

— По-видимому, я уж тем более недостойна. — Мягкая белоснежная рука в изящном жесте вытянулась из-под занавески, приподнимая лишь угол, тем самым позволяя смутному пламени свечей озарить непревзойдённо прекрасный, по-прежнему волнующий сердца мужчин, лик. Женщина сухо улыбнулась: — Государю не стоит забывать: Мэй Цзи некогда являлась певицей Фаньцзя. К тому же много чего случилось между мной и Жун Тянем, что подняло немало шума, с подобной репутацией действительно невозможно стать правительницей страны.

— Ха-ха, ты единственная женщина, больше всего соответствующая условиям этого государя.

— Ха?

На что Жо Янь твёрдо заявил:

— Если судить о происхождении, ты из благородной семьи[5], которая лишь из-за оскорбления прежнего государя Фаньцзя была убита. Моя страна только что поглотила твоё государство, потому, взяв женщину из Фаньцзя себе в жёны, этот государь сможет призвать к спокойствию и покорности народ Фаньцзя. Если судить о внешности, ты являешься первой красавицей Поднебесной. Если судить о пользе, ты знакома с Жун Тянем на протяжении долгих лет и как никто другой хорошо понимаешь его характер, в будущем данный факт непременно поможет этому государю.

Мэй Цзи, услышав подобные доводы, даже не выказала ни капли высокомерия, наоборот, страдальчески улыбнулась:

— Сказанное только что государем является лишь ни к чему не обязывающими словами, не более. Если у государя есть многообещающие намерения сделать меня своей женой, то причина только одна.

— И какая же?

— Я единственная в мире женщина, страстно желающая помочь тебе разлучить эту парочку, — чеканила каждое слово Мэй Цзи. — Будь на моём месте любая другая, то, став правительницей Ли, не горела бы желанием видеть, как её супруг заглядывается на другого мужчину.

Жо Янь не соглашался, но и не торопился отрицать, и лишь гнетущим взором внимательно изучал женщину.

— Этот государь уже выдвинул свои условия, каков будет выбор госпожи?

Мэй Цзи умолкла на очень длительное время. Отвернувшись, женщина медленно убрала руку, что приподнимала занавеску, вновь прячась за таинственным занавесом.

— Прошу государя покамест уйти, — тихо раздалось из-за «преграды», словно то был голос

затерянного беспомощного духа, бесприютно скитающегося по свету. — Позвольте мне хорошенько поразмыслить.

Жо Янь непринуждённо поднялся с места.

— Хорошо. Госпожа как только всё хорошо обдумает, может через Сы Цяна оповестить этого государя.

— Сы Цяна... Пусть государь заберёт с собой этого ребёнка.

— Как?! Он своим неповиновением вызвал гнев госпожи? — Взгляд мужчины скользнул по налогоплательщику.

Отчего Сы Цян затрепетал.

— Нет, — ответила Мэй Цзи. — Просто не хочу его видеть, и всё. Его схожесть — как две капли воды — с тем человеком приводит меня в смущение, трудно сосредоточиться на мыслях.

— Тогда ладно, этот государь направит других слуг, чтобы позаботились о тебе.

— Государь.

— М?

— Этот ребёнок милый и славный, он не только предан Вашему Величеству, но и испытывает искренние чувства к Вам.

Губы правителя Ли разомкнулись в слабой улыбке:

— И что с того?

Мэй Цзи не спешила с ответом.

— Ничего, — слегка выдохнула она, словно устав. — Всего доброго, Ваше Величество, простите Мэй Цзи за то, что она не провожает.

Столица Тун — Тунцзэ.

Вчера всегда дарит чувство расслабленности и спокойствия; в такие погожие дни любящий подольше поваляться в постели Фэн Мин проявлял куда больше усердия, чем обычно. Он уже давно открыл глаза, находясь в объятиях Жун Тяня.

Внутри императора Силэй, казалось, таилась неограниченная сила: мышцы рук, как и во всём теле, перекачивались под кожей, они были мощными и крепкими, но не слишком объёмными, при этом наполнены гордой эстетикой.

Сегодняшний день обещал немало дел, к тому же Жун Тянь принёс вести, в которых говорилось, что силэйские послы действительно приняли окончательное решение покинуть Тунцзэ раньше срока.

План «схватить Су Цзиньчао и надрать ему зад» ни на секунду не покидал мыслей Фэн Мина.

— Как именно в итоге ты планируешь разобраться с силэйскими послами? — поинтересовался он у Жун Тяня.

Государь уже имел готовый план[6]:

— Ничтожного Су Цзиньчао этот государь схватит точно маленького муравья. Вот только в будущем это отразится на внутренней политике страны, лучший вариант — подождать удобного момента. Потому последние несколько дней выдались крайне хлопотными, и совершенно нет времени побыть с тобой. — На не имеющем изъянов лице проступила серьёзность, а сам мужчина с неподдельной ненавистью изрёк: — При воспоминании об этом так хочется надрать зад этому Су Цзиньчао, очевидно же, он тратит драгоценное время, которое этот государь мог бы провести рядом с князем Мином.

На что Его Светлость с чувством закатил глаза.

Этот невежественный тиран пропадает бесследно, стоит оказаться ему занятым, но если взял за правило каждый вечер вовремя возвращаться, то непременно вернётся, вдобавок каждый раз по возвращении он бодр[7] и полон бесконечной энергии, однако днём немедля вновь исчезает. И что злило Фэн Мина почти до неприличия — неужели этот тип возвращается только для того, чтобы, оберегая каждую секунду, совершать дурные вещички, от которых ломит спину, краснеет лицо, а сердце охватывает трепет?

Сегодняшнее утро не было исключением: Фэн Мин проснулся, и, словно это почувствовав, Жун Тянь немедля открыл глаза, а поскольку они оба находились в кровати, то не обошлось без развлечения в «один заход». Дела не ждали, и, переодевшись и перекусив парочкой закусок, Жун Тянь тотчас же ушёл.

А что же Фэн Мин?

Он, будучи молодым господином рода Сяо, совершенно не мог с подобной праздностью отправиться куда захочется. Сначала требовалось уладить очередные дела рода Сяо, и сейчас Ло Дэн с огромным удовольствием заставлял несчастного молодого господина участвовать в решении семейных торговых дел. Стоило Ло Дэну удалиться, как на пороге вырос Ло Юнь с докладом об исполнении приказа.

Жуя вновь поднесённые Цю Лань лакомства в виде рисовых паровых лепёшек, князь спросил:

— Проводил Цю Юэ до лавки мастера?

Ло Юнь, чьё лицо выглядело несколько неестественно, кивнул со словами:

— Ваш подчинённый оставил там парочку своих людей присматривать, чтобы с ней ничего не случилось.

— Интересно, что же она там изучает — как создать этот небесно-лиловый шёлк?

— Подождите, когда Цю Юэ выучится, то, разумеется, нам сама расскажет, — смеялась Цю Лань. — Князю Мину стоит дождаться её возвращения и спросить, а иначе не узнаете.

— Проходи, перекуси немного, — Фэн Мин протянул тарелочку с рисовой лепёшкой Ло Юню, но, вспомнив, что является молодым господином рода Сяо, которому следовало чаще поощрять своих подчинённых, Его Светлость в итоге пылко похвалил: — Ло Юнь, ты очень устаёшь каждый день провожать Цю Юэ до лавки, по слухам, ты даже её встречаешь. Ик... Я также знаю, что её характер в последнее время испортился и она грубо ведёт себя с тобой, я высказал ей, чтобы днями напролёт не срывала на тебе злость. Да, кстати, если чувствуешь утомление, встречая и провожая её, я могу другого отыскать...

Ло Юнь почти поперхнулся лепёшкой и решил спешно сменить тему, обернувшись по сторонам, он приглушённо поинтересовался:

— Почему не видно Жун Ху?

В данный момент за дверью послышался голос Жун Ху, который через порог изрёк:

— Я здесь. — Войдя в покои, телохранитель обратился к Фэн Мину с приветствием и только потом, улыбаясь, добавил: — В прошлый раз князь Мин поделился с государем планом чертежа баллисты, государь внёс незначительные изменения и приказал подчинённому отыскать надёжного плотника, чтобы показать чертёж ему, так что через несколько дней можно будет лицезреть маленький макет.

При упоминании баллисты Фэн Мин сразу же вспомнил о судьбе своего другого «великого предложения» и фыркнул:

— Несправедливо! Оружие, конечно, важно, но и доспехи тоже важны. Я озвучил подходящий план насчёт хлопковой ткани, а Жун Тянь, этот ничего не понимающий глупец, услышав, неожиданно расхохотался. Что смешного в идее использовать для брони хлопковую ткань?

— Князь Мин, не то чтобы государь не послушал Вашего предложения, но действительно... использование хлопковой ткани для создания доспехов и впрямь... — с сочувствием отозвалась Цю Син.

— Здесь используется принцип современных бронежилетов, «мягкостью можно победить жёсткость» — вам о чём-то говорит? Ну и ладно, вы все ничего не понимаете.

Цю Лань застенчиво открыла рот:

— Князю Мину не стоит злиться. Государь же не сказал, что не слушает, просто сейчас не самое подходящее время, вот и остаётся отложить эту тему, но вскоре...

— А-а, кстати, — крайне смыслённый Жун Ху, кто бы мог подумать, научился переводить разговор на другую тему — из рукава вытянул письмо и показал на лице радость: — Принц Хэ Ди прислал послание: сказал, что дела с Цзы Янем развиваются прекрасно, дружеская беседа насчёт морского пути проходит беспрепятственно, и ещё сказал, что если у князя Мина есть свободная минутка, то нелишне было бы сегодня встретиться.

— От Цзы Яня есть какие-нибудь новости? — Это и впрямь привлекло внимание Фэн Мина, гнев сменился радостью, и, растянув губы в улыбке, князь проговорил: — Я знаю, что рядом с принцем Хэ Ди Цзы Яню наверняка спокойно и безопасно. В конце концов, мы партнёры, разве он может плохо заботиться о моём посланнике? В письме говорится именно о сегодняшней встрече?

Произнося это, Его Светлость взял письмо из рук Жун Ху, раскрыл и, пробежавшись взглядом, пробормотал:

— Принц Хэ Ди выбрал в качестве места встречи Дом[8] безмерного счастья — крайне почтенное название, неужели это какой-то храм? — подняв голову, князь взглянул на Жун Ху.

Но тот, качая головой, ответил:

— Подчинённый впервые слышит о таком месте. — На периферии зрения силэйский телохранитель заметил, как лицо Ло Юнь слегка дрогнуло, и, невольно обернувшись к нему, Жун Ху спросил: — Ло Юнь, а ты слышал о нём что-нибудь?

— Слышал. — Прежде будучи головорезом, Ло Юнь, ступив на чужую землю, по привычке первым делом изучил её топографию. Заметив, с каким любопытством все воззрились на него, Ло Юнь поменялся в лице — в его холодности появилась неловкость. — Тогда в Тунцзэ за одну

комнату отдал много денег в самом дорогом казённом борделе[9].

В помещении воцарилось внезапное долгое молчание, после которого раздались радостные вопли Фэн Мина, вырываясь сквозь окна и двери:

— Да-а-а-а! У меня наконец-то появилась возможность оказаться там, где красотки — небо, а вино — земля[10]! Жун Ху, Цю Лань и Цю Син, вам запрещено доносить об этом Жун Тяню!

Прибыв вместе с Хэ Ди, Цзы Янь только тогда понял, какое в конечном счёте выбрал «хорошее место» этот подлец-ублюдок для встречи с князем Мином. Сидя в большой отдельной комнате, располагающейся на третьем этаже, никогда не бывавший в подобных местах Цзы Янь во многом — в сотню-две тысяч раз — чувствовал себя не в своей тарелке.

Хэ Ди же, наоборот, с видом завсегдатая вёл себя непринуждённо, приказав возглавлявшему охрану Кун Лю разместить охранников за дверью. Принц вместе с Цзы Янем, которого не отпускал от себя ни на шаг, вошёл в комнату, которую обвёл взглядом, убеждаясь, что всё было выполнено согласно его собственным предпочтениям: кресла и циновки для сидения убрали, заменив очень толстым ковром, редкие красные занавески ниспадали с четырёх сторон комнаты, а кисточки, украшавшие их, покачивались на ветру. Крайне удовлетворённый Хэ Ди, специально подождав хозяина этого самого дома, осыпал его похвалой.

— Князю Мину не нравятся подобные места, — не выдержав, открыл рот сидевший рядом — принц подтащил его к себе — Цзы Янь всё с той же сдержанностью на лице.

— Любому мужчине понравится подобное место, — насмехался Хэ Ди.

Брови, что были вразлёт, поднялись, а сам Цзы Янь уже собирался что-то сказать, как снаружи донёсся топот, смешанный с до боли знакомым смехом.

— Князь Мин прибыл. — Цзы Янь встал с места и, увидев, что Хэ Ди всё ещё напыщенно лежит на подушках, не выдержал и ударил своей ногой по благородной ноге, вынуждая принца подняться.

Закалённого в боях Хэ Ди ещё бы так легко пнуть! Цзы Янь не осмелился по-настоящему применять силу, однако, стоило ему вытянуть ногу, как она немедля оказалась в плену рук Хэ Ди, который воспользовался моментом.

— Нога господина посланника на ощупь и впрямь весьма неплоха, — взгляд косо поднялся вверх. — По слухам женская красивая ножка в ладонь ложится удобно, интересно, а мужскую также удобно держать в руках?

«Множество людей вот-вот войдёт в двери, а этот подлец отпускает столь гнусные речи», — думал посланник. Вслушиваясь в приближающиеся шаги, Цзы Янь приглушённо процедил:

— Заткнись[11]. — На лице отразился гнев.

Хэ Ди вновь рассмеялся:

— Ты не спеши, води себя немного послушнее, и тогда я не поведаю князю Мину о том, как ты от поцелуев этого принца чуть не лишился чувств.

Цзы Янь едва не потерял сознание. Вчера вечером, после ухода принцессы Чан Лю, вновь продолжилось то проклятое переодевание — он, молодой генерал, ещё ни разу в жизни не встречал такого отвратительного мужчины.

Пока двое пребывали в тупике, ведущая за собой гостей певица приподняла дверную занавеску.

Фэн Мин первым показался в проёме, за ним следовали Жун Ху, Ло Юнь и пара милых служанок. Хэ Ди только тогда выпустил ногу Цзы Яня, поднялся с места, как раз соприкасаясь своим плечём с плечом молодого генерала, и лениво обратился к Его Светлости, смеясь:

— Князь Мин наконец-то прибыл? Это место можно считать неплохим, верно? По слухам, здесь женщины высшего сорта и отличные развлечения — песни и танцы.

Для Фэн Мина, ступившего на чужбину, всё казалось в новинку, он всю дорогу оглядывался и неоднократно кивал в знак одобрения:

— Неплохо, вполне себе неплохо. Это место и впрямь слишком увлекательное. Я давно хотел сюда прийти, принц мыслит поистине всеобъемлюще.

Во взгляде Хэ Ди, которым тайком он одарил Цзы Яня, читалось «я был прав», зля последнего настолько, что изо всех его отверстий повалил дым[12].

Толпа расселась, и хозяин лично явился, чтобы обслужить гостей. Он поинтересовался, хотят ли клиенты нескольких девушек для компании.

Хэ Ди, окинув пространство, безразлично изрёк:

— Ты погляди, сколько людей, и каждому мужчине приведи двух девиц, помни, нужны красавицы высшего качества, и чем обаятельнее, тем лучше.

Цзы Янь же окликнул хозяина и негромко выказал просьбу:

— Мне не нужна компания, потому не берите меня в расчёт.

Хозяин обомлел, переводя взгляд на Хэ Ди.

Повернув голову и воззрившись на Цзы Яня, даньлинский принц внезапно зло заулыбался:

— Верно, господину посланнику нужна компания лишь этого принца, и всё. Ну ладно, этому принцу тоже не нужно девиц, он предпочтёт общество господина посланника.

От подобной улыбки Цзы Янь затрепетал от ужаса.

Стоящий в стороне Ло Юнь тоже холодно отозвался:

— Тоже не берите в расчёт, поскольку мне ненавистны женщины.

Почувствовав на себе таящий обиду взор супруги, Жун Ху поспешил внести ясность:

— Мне тоже не нужно.

— Эй-эй, почему это все отказываются? Мы их зовём, чтобы они посидели с нами, поболтали, особых проблем ведь не будет? — Естественно, Фэн Мина распирало любопытство поглядеть на сцену, которую до этого наблюдал лишь по телевизору, однако внезапный всеобщий отказ привёл князя в уныние. — Неужели я один остаюсь?

Посматривая на выражение лица Фэн Мина, хозяин тоже замешкался, после чего заискивающе разулыбался:

— Если этот гость хочет поговорить, я сейчас же пойду и позову двух самых красивых девиц[13], что есть в этом доме.

Цю Син, сидевшая чуть впереди, прижалась к уху Его Светлости и озадаченно прошептала:

— Князь Мин, Ваша служанка действительно очень боится. Если государь, вернувшись вечером, спросит об этой встрече, Ваша служанка поможет князю Мину утаить всё от государя? Или честно всё рассказать? Ваша служанка, правда, не осмелится обманывать государя.

Его Светлость уставился на девушку.

— Ты хоть понимаешь, что угрожает мне?! — воскликнул князь, однако был вынужден с досадой сказать: — Ладно, не нужно, ничего не нужно. — В итоге попросту потратились на большую отдельную комнату, но так и не довелось лицезреть картину, где цветы — красны, а ива — зелена[14]. Девиз нет, зато закусок и фруктов подали вдоволь.

Все, вкушая яства, болтали и первым делом доболтались до истории «о пребывании Цзы Яня бок о бок с Хэ Ди».

Фэн Мин по отношению к Хэ Ди выражал огромную благодарность и прямо нахваливал без умолку:

— Ваше Высочество принц действительно настоящий друг, в прошлый раз на тунском банкете Вы постоянно поддерживали меня. На этот раз Цзы Янь прибыл во временные покои этого типа[15], Цин Ли, покорнейше прошу, обязательно позаботьтесь о нём. Цзы Янь по характеру непреклонный, я волнуюсь, что он может кого-нибудь обидеть.

Часто отступающий от привычных правил Хэ Ди, кто бы мог подумать, с гордостью напустил на себя вид мужественного принца, чья справедливость простиралась до небес, и, сев ровно на подушках, бил себя в грудь, словесно ручаясь:

— Князь Мин, успокойтесь, Ваш человек — мой человек. Пока дорогой посланник находится рядом с этим принцем, он, безусловно, получит наилучшую заботу.

Подвергаемый «заботе» Цзы Янь хотел пойти биться о стену, с лица чуть не начала капать кровь, но не зная всей подоплёки Жун Ху, Цю Лань и остальные ошибочно полагали, что он крайне растрогался от проявленной сердечной заботы со стороны князя.

К счастью, у князя Мина, который обеими руками вручил его, Цзы Яня, этой гадюке, всё ещё сохранялось врождённое чувство заботы о своём подчинённом.

— Ваше Высочество Хэ Ди, упоминаемое мною в письме дело следует всё же уладить?

— Какое дело?

Фэн Мин, преисполненный чувствами, посмотрел на Цзы Яня и обратился к Хэ Ди:

— Цзы Янь вот-вот отправится в далёкий Даньлинь, и я надеюсь, пока мы находимся в Тунцзэ, Вы позволите ему на несколько дней остаться с его братьями по оружию. Если принц не возражает, можно сначала позволить Цзы Яню вернуться в мои здешние...

— Никак нельзя, — категорично отказал Хэ Ди.

Фэн Мин обомлел:

— Почему?

Этот пропитанный ложью человек, никогда не планировавший перед тем, как действовать, поднял чашечку к лицу, слегка пригубил ее и только после угрожающе со смехом произнёс:

— Потому, что этот принц советуется с господином посланником о проложении морского пути, и как раз сейчас обсуждается решающий момент. Признаюсь князю Мину: все эти дни мы вместе изучаем важное дело, и если в данное время князь Мин уведёт с собой господина посланника, Даньлинь окажется в критическом положении, тогда последствия будут серьёзными.

— М-м. — Фэн Мин с любопытством обратил лицо к Цзы Яню: — Советуется так много дней, должно быть, уже есть несколько вариантов решения проблемы? По-моему, при возникновении чего-то важного сразу же направляют людей во дворец Тунцзэ с извещением.

Дело, касаемо морского пути, является важным, вот только неужели оно достигло такого масштаба, что нельзя даже немного прогуляться по окрестностям?

У Цзы Яня, стоило Фэн Мину выказать желание забрать молодого генерала с собой, внезапно появился проблеск надежды, даже глаза сразу засияли, а губы взволнованно дрогнули, сам же парень уже было собрался отыскать несколько пристойных слов, чтобы возразить доводам Хэ Ди, но ему не дали вставить и слова.

— Конечно, — блёкло отозвался Хэ Ди, вытерев тонкие губы. — Причина, по которой этот принц так волнуется за дело, заключена не столько в нём самом, сколько в просьбе господина посланника. Если опираться на слова господина посланника, князь Мин надеется в течение года без проблем проложить морской путь, ну раз время не ограничено, то господин посланник может несколько дней потратить на прощание со своими приятелями, видимо, данное дело несколько важнее. Верно, господин посланник? — Сдержанный взгляд плавно скользнул и задержался на лице рядом сидящего Цзы Яня, а внутри таилась угроза.

Из всех присутствующих лишь Цзы Янь хорошо знал истинный облик даньлиньского принца: порочность всех вероломных людей мира не шла ни в какое сравнение с дурными намерениями этого человека. Ведь такие люди, не получив желаемого, трудно себе представить на какие ужасные поступки могли пойти.

Словно наблюдая, как двери спасительного выхода в силу захлопываются, Цзы Янь ощутил тяжесть на сердце и, вцепившись зубами в нижнюю губу, изо всех сил старался сдержать голос, чтобы успокоить Его Светлость:

— Князь Мин, Ваш подчинённый с Его Высочеством Хэ Ди находятся как раз на важном моменте обсуждения проложения морского пути. А собраться вместе — пустяковое занятие,

подождите немного, и в будущем при случае нам ничто не помешает это сделать.

— Верно. В будущем, когда придёте в Даньлинь, всех с радостью примем как гостей, — удовлетворённо улыбнулся Хэ Ди и, обратившись к посланнику, по-дружески спросил: — Цзы Янь, а почему ты только сидишь, ничего не ешь? Попробуй это. — Взяв с блюдечка кусочек слоёного пирога[16], принц лично поднёс его к губам молодого генерала.

Подобный жест выглядел поистине двусмысленным[17] по отношению к парню, к тому же ко всегда осмотнительному и невозмутимому Цзы Яню. Все присутствующие, включая Жун Ху, смотрели, обомлев.

Прилюдно подвергаясь насмешкам Хэ Ди, молодой генерал оказался настолько в затруднительном положении, что почти готов был выхватить меч и разрубить этого подлеца надвое. И ладно бы заниматься подобным бесстыдством в комнате дворца Тунъань, где никто этого не видит, но кто бы мог подумать, что он осмелится перед князем Мином и остальными... И ладно, тщательная забота! Но нисколько не хотелось получать такую заботу, проявляемую этим ублюдком[18]!

Маленький кусочек лакомства упёрся в мягкую нижнюю губу. Хэ Ди уже по напряжённым чертам лица парня разгадал, о чём тот думал, улыбнулся, притворяясь, будто ведёт дружеский разговор, и, приблизившись к уху генерала, приглушённо, чтобы слышал только Цзы Янь, проговорил:

— Кто ручался смиренно принимать тщательную заботу этого принца, согласился исполнять всё до конца и на половине пути не вспоминать о раскаянии? Открой рот.

Дыхание Цзы Яня стало резким и тяжёлым, сам парень уставился в пустое пространство, что было перед глазами, и в конечном счёте губы слегка распахнулись. Хэ Ди ликовал и, держа лакомство, сунул ему в рот, затем сел ещё ближе, причём настолько, что почти соприкасался плечом и коленом с плечом и коленом генерала.

— Похоже, князь Мин в изумлении? — вымолвил Хэ Ди.

— А? А? М-м, да, немного изумлён, надо же... — не сдержавшись, Фэн Мин потянул руку к макушке головы, а Ло Юнь тут же понял, что князю, как глупцу, снова хочется почесать затылок, и сзади он безжалостно ударил по княжеской руке. Шлепок оказался очень звонким.

Фэн Мин другой рукой схватился за слегка покрасневшую, словно красная фасоль, нежную тыльную сторону ладони, но он не посмел при всех принять жалкий вид, ему только и оставалось притвориться, что ничего существенного не произошло, и кашлянуть:

— Не думал, что Цзы Янь за несколько дней так сблизится с принцем, — сказал он.

— В нравах Даньлинь испокон веков заложено гостеприимство, — придерживаясь изящных манер, пояснил Хэ Ди. — Особенно если это дорогой гость, хозяин должен лично его сопровождать, принимать во внимание всё до мелочей, тем самым демонстрируя, насколько гость важен.

Сидящий рядом Цзы Янь вытянул шею, стараясь проглотить ненавистный кусок лакомства, но поскольку парень так разволновался, что в горле всё пересохло, и кусочек пирога встал ему поперёк. Всегда пребывавший мыслями где-то в другом месте Хэ Ди, продолжая вести беседу с князем, заметил расстроенный вид молодого генерала, после чего ловко[19] поднял свою чашечку с полустывшим чаем и поднёс к губам Цзы Яня.

— Скорей выпей. Подобного этот принц не учёл, ведь ты же несколько дней плохо спал и не должен был есть такой сухой пирог.

Принц, будто муж, обхаживал свою «жёнущку» с чрезмерной любовью, да ещё смело заставил Цзы Яня выпить большую часть чая залпом. Сопротивляться не получалось, из-за мучений горячая кровь незамедлительно ударила в голову, зор помутился, однако стоило прийти в себя, как Цзы Янь почувствовал, что нечто мягкое и приятное коснулось его губ.

Оказалось, Хэ Ди, взяв своё белое полотенце, заботливо прижал его к коже, помогая вытереть с уголков рта пролитые капли чая. Грудь парня тут же готова была лопнуть от ярости. Цзы Янь резко отмахнулся от куска ткани — вероятно, принц уже пользовался им, поскольку на полотенце остались следы. И зло прошипел, чтобы слышал лишь Его Высочество:

— Руки убери.

Постоянно улыбающийся Хэ Ди тайком от посторонних глаз с силой сжал руки Цзы Яня, не давая генералу возможности вырваться, и, обманчиво подавшись вперёд, угрожающе прошептал на ухо:

— Только что был последний раз, когда ты бесцеремонно отнёсся к этому принцу. Начиная с этого момента тебе, дорогой посланник, больше не предоставится возможность высказывать свои капризы: ещё раз ослушаешься, и я заставлю лодки рода Сяо бесследно сгинуть в пучинах даньлинского моря, и гарантирую, что ни тел, ни обломков кораблей не найдёшь. А сейчас даруй мне лёгкую улыбку, ты же не хочешь, чтобы князь Мин беспокоился о тебе настолько, что ему кусок в горло не полезет, верно?

На лице даньлинского принца сохранилась улыбка, словно всего лишь прошептал Цзы Яню пару медово-интимных глупостей. Подвергшись угрозе и приняв во внимание общее положение дел, Цзы Яню пришлось через силу принять воодушевлённый вид и выдавить улыбку, больше похожую на обиженную[20].

Хэ Ди слегка оттолкнулся и, чтобы все слышали, мягко обратился к Цзы Яню:

— Не тревожься, князь Мин понимает, что мы лишь из-за дел, касаемых морского пути, вынуждены отказаться от его приглашения. Он, будучи хорошим силэйским князем, доверяет тебе, потому и поручил столь важное дело, поэтому тебе необходимо сначала заняться им. — Создавалось впечатление, будто принц только что обсуждал с генералом «важное дело».

С этими словами Хэ Ди помог Цзы Яню поправить воротник платья.

Фэн Мин, как и все остальные, наблюдал, вытаращив глаза и раскрыв рот. Лишь спустя долгое время он отреагировал и начал сыпать похвалой:

— Нравы Вашей страны действительно гостеприимны.

— Верно.

— Да-да.

— Поначалу переживал, что одному Цзы Яню непривычно будет отправляться издалека в Даньлинь в качестве посланника, однако сейчас, когда рядом Ваше Высочество, мы во всяком случае можем не волноваться.

— Верно, — единодушно согласились все.

Они также были солидарны по поводу «хорошей заботы», что оказывал Хэ Ди Цзы Яню. Взаимно обменявшись взглядами, все в душе завопили лишь одно слово: «Блуд!». Наверняка и безусловно, Хэ Ди с Цзы Янем в последние дни приходилось сосуществовать вместе, и путём притирания выбилась любовная искра: двое мужчин настолько сильно полюбили друг друга, что стали неразлучны[21].

Цзы Янь обычно, помимо службы, упражнялся в искусстве меча и больше ничем не интересовался, но неожиданно любовная[22] весна свалилась как снег на голову — он неожиданно умудрился перевоспитать самого неукротимого и вольного чужестранного принца, сделав его таким чутким и ласковым, весьма неплохо!

Глядя на него, сидящего в стороне и принимавшего очередной кусочек пирога, а потом пьющего чай, заботливо поднесённый принцем, Фэн Мин невольно вспомнил сцену, где точно так же Жун Тянь скармливал ему, князю, завтрак. Действительно, подобная сладость была ни с чем не сравнима, неудивительно, что по прибытию во дворец Тунъань Цзы Янь отправил письмо, и больше от него новостей не поступало.

Это всё любовь.

Под тяжестью довольных взглядов, исходящих от близких людей, которые чуть дыру в нём не проделали, Цзы Янь ощущал волны гнева и удушье, но не в силах был выплеснуть все эти

эмоции, что скопом охватывали сердце. Молодому, выдающемуся и красивому генералу ничего другого не оставалось, как покраснеть от смущения.

Где-то глубоко в душе, можно сказать, на самом её дне, Фэн Мин тяжело вздохнул. Он совершенно не ожидал, что Цзы Янь, встретивший беззаботную любовь, так легко покраснеет, как обычный человек. В этот раз он верно выбрал человека на роль даньлиньского посланника, который не только поручился за успешный исход важного договора, но ещё способствовал развитию счастливых отношений[23]. Кажется, у этого княжеского подчинённого весьма впечатляющие таланты.

Цю Лань также только недовольно вздохнула, обычно она слышала о том, насколько этот принц Хэ Ди безжалостен, а на реке Оман был подобен дикому и страшному зверю, который почти уничтожил весь караван судов рода Сяо. Но кто бы мог подумать, что всё станет столь противоречивым — этот беспутный принц, встретив Цзы Яня, внезапно проявит нежность, словно человека подменили, да ещё, не скупясь, соизволит ухаживать и подносить то чай, то пирог, вот уж действительно редкость.

Мыслей в голове Жун Ху роилось не так много, как у супруги. Его с Цзы Янем долгие годы связывали братские узы, да и, придерживаясь крайней рациональности и видя отношение Хэ Ди к Цзы Яню, мужчина был уверен в одном — по крайней мере, за безопасность Цзы Яня можно не волноваться, в этом нет никаких сомнений. Кто угодно, в том числе Цин Ли, если захочет тронуть хоть волосок с головы Цзы Яня, сначала должен будет спросить разрешения у Хэ Ди. Можно считать подобное огромной удачей[24].

Хоть Ло Юнь не был близко знаком с Цзы Янем — генерал являлся посланником князя — и совершенно не интересовался, действительно ли принц Хэ Ди «закрутил с парнем шашни», но, по крайней мере, он видел, что дело молодого господина не откладывалось. В результате все присутствующие, кроме Цзы Яня, были полностью удовлетворены и вполне весело смеялись, настолько, что радость была несравнимой.

Атмосфера стала дружелюбнее.

Отношения Хэ Ди и Фэн Мина, который уже считал принца членом своей семьи, стали ещё более тёплыми.

При упоминании о плане прокладки морского пути Хэ Ди всерьёз поделился несколькими важными предстоящими делами, а для выполнения имеющихся распоряжений требовалось заручиться поддержкой правящего рода Даньлинь, поэтому он уже отправил людей с письмом.

Хэ Ди вспомнил поручение, брошенное Чан Лю тогда перед отъездом, и к слову сказал:

— Да, кстати, принцесса Чан Лю просила меня от её имени поприветствовать князя Мина.

Стоило затронуть принцессу Чан Лю, как в княжескую голову забралась лишь одна терзающая

его мысль — как заполучить то проклятое растение, Вэньлань, которое было недостижимо.

Фэн Мин немедленно изменился в лице и неловко стёр капли холодного пота, что выступили на коже.

— Я знаю, знаю, принцесса Чан Лю... Насчёт её просьбы, я как раз стараюсь выполнить. — Повернув голову, князь поинтересовался у Жун Ху: — То письмо, что я написал матушке, ты отправил гонцов передать его?

Находясь в курсе того, что Его Светлость уже довольно долгое время прилагает все усилия в отношении данной проблемы, Жун Ху ответил:

— Уже отправил, и тот красивый подарок, выбранный вместе с князем Мином, тоже отослал. Надеюсь, на этот раз госпожа, получив письмо, хоть немножко расчувствуется и согласится как можно скорее прислать Вэньлань, тем самым умирив душевные переживания князя Мина.

Цзы Янь, одолеваемый смущением и изнемогавший от желания в который раз выхватить меч, а затем прикончить бесовского принца, всё же по характеру являлся тем, кто ставил во главу угла достаточно серьёзные дела, и потому при упоминании слова «Вэньлань» невольно открыл рот, спрашивая:

— Какое отношение имеет Вэньлань к принцессе Чан Лю?

Фэн Мин обомлел, но вскоре до него дошло:

— М-м, ты же тогда не был на корабле и не в курсе об этом деле, верно? — И немедленно поведал историю — рассказывать истории являлось его излюбленным занятием — которая была прекрасной и трогательной, в общих чертах основанной на услышанном от Ду Фэна рассказе и попутно объясняющей, по какой именно причине его матушка, госпожа Яое, так раздражительна. Так или иначе Вэньлань по-прежнему была недостижима, но он, князь, как раз прикладывал все усилия в попытке заполучить цветок.

Для Хэ Ди и Цзы Яня отношения между принцессой Чан Лю и князем Мином были не до конца ясны. После прозвучавшего в глубине души молодой генерал подумал: «Ничего удивительного, что они с обеих сторон заключили договор, оказывается, их связь длится уже довольно долгое время. Теперь, наоборот, всё становится логичным. Во всяком случае, принцесса Чан Лю попросила их передать приветствие, что, собственно, было сделано, а союзный договор между принцессой Чан Лю и князем Мином не относился к кругу его служебных обязанностей, потому так внезапно и не поднимался в беседе».

Все пили, вкушали закуски и болтали, всё длилось около часа. Фэн Мин собирался уходить, поскольку у него имелись ещё какие-то дела, не требующие отлагательств. Ну а Хэ Ди не терпелось пораньше вернуться и продолжить наилучшим образом «заботиться» о своём упрямом посланнике, которому сейчас приходилось сносить тяжесть множества глаз и только

хотелось поскорей покинуть эту встречу.

Стоило едва дать знак, как все незамедлительно поняли — банкет окончен, пора расходиться.

Перед самым отбытием Фэн Мин поднял чашечку и с серьёзностью обратился к Хэ Ди:

— Отныне вверяю Цзы Яня Его Высочеству принцу Хэ Ди.

На что Хэ Ди с огромным удовольствием принял данное пожелание и радостно отозвался:

— Пусть князь Мин не беспокоится.

— Насчёт принцессы Чан Лю, пусть она не волнуется, я в кратчайшие сроки попытаюсь раздобыть Вэньлань.

— Этот принц от имени князя Мина передаст ей.

— Цзы Янь, как следует береги себя, и чтобы жил дружно с принцем Хэ Ди. Если выдастся свободная минутка, почаще к нам приходи, посидим все вместе.

В душе разлилась невыносимая горечь, и если бы не твёрдый характер, то Цзы Янь уже давно бросился бы к княжеским ногам и со слезами на глазах поведал о всяких бесстыдных проделках Хэ Ди. Однако сейчас молодому генералу только и оставалось, что изо всех сил сдерживаться и, скрежеща зубами, вымолвить:

— Князю Мину не стоит волноваться, Ваш подчинённый сможет жить дружно с принцем Хэ Ди.
— Внезапно поднявшись с места, парень поклонился Его Светлости и уже думал покинуть этот толстый, вызывающий недоумение, ковёр.

Но неожиданно, стоило генералу развернуться и отправиться искать свои сапоги, как кто-то крепко схватил его за левую лодыжку. Обернувшись, Цзы Янь встретился со зло улыбающимся Хэ Ди:

— Господин посланник, твои сапоги здесь. — С величием, присущим даньлиньскому принцу, Хэ Ди внезапно опустился на одно колено у края ковра и, держа одной рукой генеральскую ногу, свободной помог ему обуться.

Как получилось, что на земле живёт такой бесстыдный человек?!

Пока нога находилась в плену рук Его Высочества, Цзы Янь переживал за князя Мина и его договор: ругаться нельзя, высвободиться невозможно, огромное желание пнуть ногой, чтобы Хэ

Ди отлетел, к сожалению, тоже нужно было подавить, оставалось одно — застыть на месте и с бледным, словно полотно, лицом принять оказанную заботу.

Естественно, стоящий в стороне Фэн Мин, как и его свита, вновь расчувствовался из-за Его Высочества Хэ Ди. Все они ещё раз удостоверились — отправить Цзы Яня в Даньлинь было наилучшим вариантом!

Примечания:

[1] В оригинале 甬道 (yǒngdào) — юн дао — имеется в виду обнесённая стенами дорога (для невидимого народу прохода императора).

[2] Жо Янь произносит 俏 (xiǎojiě) — сяо цзе — можно перевести как «девушка»; также это эвфемизм, означающий девушку лёгкого поведения, а ещё жаргонное «дамочка» и, наконец, устаревшее «жена».

[3] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: трудно постижимый, весьма заумный, недоступный для понимания.

[4] Жо Янь называет Сы Цяна 奴 (nú) — ну и — «раб».

[5] Напоминаем, что Мэй Цзи действительно происходит из знатного рода, который, к сожалению, обидел императора Фаньцзя, в итоге всех мужчин её семьи обезглавили, а женщин — забрали, отдав в чайные дома в качестве певиц, которые развлекали гостей, пришедших к ним. См. главу 42.

[6] 胸有成竹 (xiōng yǒu chéng zhú) — сюн ю чэн чжу — досл. «в душе (в уме) иметь готовый бамбук [прежде чем начать рисовать его]»; обр. иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[7] В оригинале фраза звучит как «живой дракон и живой тигр», обр. в знач.: преисполниться жизненных сил, быть бодрым, энергичным.

[8] 楼 (lóu) — лоу — можно перевести как «терем\башня», но ещё «дом» (выше двух этажей); также иероглиф в сочетании с 厅 (qīng) — цин — будет как раз «чайный домик/публичный дом».

[9] В оригинале фраза звучит как 官妓楼 (guān jì lóu) — гуань цзи лоу — если по-иероглифно переводить, то 官 (гуань) означает «казённый», «официальный», «общественный», а 妓 (цзи лоу) — «палаты, где проживали проститутки» (имеется в виду бордель).

[10] Обр. о развратном образе жизни; предаваться безудержному разгулу и пьянству.

[11] В оригинале фраза звучит как 你给嘴闭住 (nǐ gěi wǒ bìzǔi) — ни гэй во би цзуй — если дословно переводить, то получается «давай-ка рот закрой» либо «ты давай свой рот закрой». Однако, если верить словам носителей китайского языка, то данное выражение имеет гораздо более грубый окрас. Его произносят командным, настойчивым тоном, требуя или приказывая кому-то немедленно замолчать. Обычно выражает гнев, недовольство или раздражение. Это выражение часто используется во время споров, ссор или в эмоционально напряжённых ситуациях.

[12] 千窍生烟 (qiān qiào shēng yān) — ци цяо шэн янь — «из всех отверстий повалил дым», обр. выйти из себя, метать громы и молнии, кипеть от злости.

[13] Хозяин их называет 姑娘 (gūniang\gūniáng) — гу нян — это не только переводится как «девушка» (имеется в виду не замужняя) и «наложница», но ещё и «проститутка».

[14] Имеется в виду естественная атмосфера чайного домика, где девушки не только подливают вина, но и развлекают музыкой и танцами.

[15] Фэн Мин называет Цин Ли 贱货 (jiǎnhuò) — цзя хо — это не только означает «тип», но и «скот», и даже сленговое «член».

[16] В оригинале имеется в виду как «слоёный мясной пирог», так и «торт с фруктовой начинкой», величиной с большой палец, а также и «печенье песочное».

[17] В оригинале фраза звучит как 暧昧 (àimèi) — ай мэй — переводится как «тайная связь», «роман», но есть и жаргонизм, который в отношении мужчины означает «относиться к девушке больше, чем по-дружески, но меньше, чем как к любимой».

[18] В оригинале фраза звучит как 下流痞子 (xià liú pǐ zi) — ся лю пи цзы — которую можно перевести как «распиздай», также её применяют к обозначению дурных и неприятных личностей, ещё она является сленговой и означает низменные вещи, обсуждать которые прилюдно не принято у китайцев.

[19] В тексте говорится 手眼快 (shǒu yǎn kuài) — шоу цзи янь куай — «ловкие руки и зоркие глаза», обр. в знач.: ловкий, подвижный.

[20] В оригинале фраза звучит как «чёрный котёл», обр. в знач.: несмытая обида; клевета, ложные обвинения.

[21] Фраза 干脆 (nánshě nánfēn) — нань шэ нань фэнь — означает «никак не бросить», «не расстаться»; также «любезный сердцу», «милый», «неразлучимый».

[22] Иероглифы 脸 (liàn'ài) — лянй ай — встречаются в слове «гомосексуальность» 同性恋 (tóngxìng liàn'ài) — тун син лянй ай — и «гомосексуалист» 同性恋者 (tóngxìng liàn'ài zhě) — тун син

лянь ай чжэ.

[23] 良缘(liángyuán) — лян юань — можно перевести как «добрые (счастливые) отношения» или «счастливый брак».

[24] 好施(hàoshì) — хао ши — можно перевести не только как «доброе дело», но ещё и «бракосочетание», а в буддизме слово означает не только поминальную молитву, но и молитву (чтение сутр) о спасении.

<http://bllate.org/book/13377/1746893>